

С. Вех

РУССКИЕ В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. и НАЧАЛЕ XX в.

1. Приток

Одним из симптомов общественно-политических перемен, наступивших после поражения Январского восстания 1863–1864 гг. в Царстве Польском, был систематический рост участия россиян в общественной, экономической, культурной и политической жизни Польши. Значительный приток православного населения был вызван, прежде всего, политическими и военными соображениями имперских властей. Ухудшились отношения России с Австро-Венгрией и II Рейхом, что требовало наращивания русского военного присутствия в регионе. Вынашивались честолюбивые планы русификации польских земель.

Угроза военного конфликта, а также план интеграции Западных окраин в Российскую империю стали причиной того, что стратегия военных действий и русификация Царства Польского были поручены военной и гражданской администрации, полицейским службам и православному духовенству. Все эти ведомства, во главе которых стояли русские, должны были обеспечить преобладание российских интересов на этнически чужих землях. Присутствие и увеличение русского населения обусловили, в свою очередь, изменение в Царстве Польском общественных, экономических и политических отношений. Русские все четче выделялись в социальной среде польских земель не только благодаря своим особым правам и привилегиям, но также благодаря растущему демографическому потенциалу.

Наибольшее влияние на происходящие демографические изменения оказали гарнизоны русской армии, размещавшиеся, главным образом, в Варшаве, в военных

крепостях (Новогеоргиевск, Ивангород, Брест Литовский) и в губернских городах. После подавления Январского восстания армия образованного в 1864 г. Варшавского Военного Округа насчитывала около 100 000 человек.

В 1875 г. в Царстве Польском проживало 107 750 военнослужащих, в том числе 3518 генералов и офицеров. Среди 103 232 рядовых 79 317 служили в пехоте (76,1 %), 6039 — в кавалерии (5,8 %), 15 611 — в артиллерии (15 %) и 3265 — в инженерных войсках (3,1 %). В 1897 г. военных вместе с семьями было уже 253 229, из которых больше 40 000 жили в Варшаве, а около 30 000 — в губернских городах¹. Стоит отметить, что в 1875–1897 гг. число солдат Варшавского Военного Округа выросло на 250 %, в то время как число жителей Царства Польского увеличилось едва на 50 % (с 6 млн до 9 млн)².

Еще большим был количественный рост в Царстве Польском русских чиновников. Первую организованную акцию по распределению прибывших из России чиновников по правительственным учреждениям, внедрению их во все учреждения комиссаров по крестьянским делам предпринял в 1864 г. Николай Милютин. Как писал Александр Корнилов:

Милютин посредством знакомых профессоров из российских университетов и близких себе лиц, собранных в редакциях «День» и «Московские Ведомости», вызывал студентов, оканчивающих обучение в университетах, чтобы они вступали на службу к Царству <...> а прибывшим кандидатам организовал в Варшаве лекции, которые освещали крестьянский вопрос в Царстве³.

Завербованные и лично проинструктированные Милютиным кандидаты прибыли в Царство Польское, наполненные духом миссионерства. Их дисциплинированность и преданность делу империи вытекали из тщательного отбора кадров, величины окладов и высокого статуса, который власти гарантировали комиссарам по крестьянским делам в администрации Царства Польского. Передача россиянам около 100 вакансий комиссаров прошла без помех⁴.

Очередной приток русских служащих начался благодаря административной реформе Царства Польского 1866 г. Она устанавливала новое административное деление страны, а также изменяла компетенции начальников уездов и начальников губерний⁵. В первые годы после административной реформы из 19 губернаторов и

¹ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 452. Л. 1; *Szulc S.* Wartość materiałów statystycznych dotyczących stanu ludności [byłego] Królestwa Polskiego. Warszawa, 1920. S. 95.

² *Wakar W.* Rozwój terytorialny narodowości polskiej. Cz. II. Statystyka narodowościowa Królestwa Polskiego. Warszawa, 1917. S. 11–12.

³ *Корнилов А. А.* Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Петроград, 1915. С. 75; *Щебальский П. К.* Николай Александрович Милютин и реформы в Царстве Польском. М., 1882. С. 74.

⁴ В первые годы реформы на посты комиссаров в Царство Польское приехало 154 человека (AGAD. Sekretariat Stanu Królestwa Polskiego (SSKP). Sygn. 535/1864; ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 479. Л. 70, 113).

⁵ По административной реформе, в Царстве Польском число губерний увеличилось с 5 до 10, а уездов — с 39 до 85 (*Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 66. Warszawa, 1866. S. 115–193).

16 заместителей ни один не был польского происхождения⁶, а из 147 лиц, которые были назначены в учреждения начальников уездов, только два были по национальности поляками⁷. Помощники начальников уездов по военно-полицейским делам также назначались из россиян. Только помощники начальников уездов по административным делам могли происходить из поляков, поскольку данная должность требовала знания особенностей ведения польских дел и польского языка, а также выполнения большого объема канцелярских работ. Во время осуществления административной реформы в 78 уездах из 85 существующих (то есть в 91,8 %) эти посты были поручены полякам⁸. Со временем, правда, их число уменьшилось.

Более трудным оказался процесс назначения россиян на судебные должности. Наместник Царства Польского Ф. Ф. Берг в письме к царю от 30 ноября 1864 г. жаловался, что почти никто из русских судей и юристов, к которым он обращался, не согласился приехать в Царство Польское⁹. Перспективы работы в отдаленной, только что усмирненной стране никого особенно не манили, тем более что предлагаемые посты ни по материальным, ни по престижным соображениям не уравнивали риска, сопряженного с пребыванием в чужой и враждебной русским среде¹⁰.

Для привлечения россиян к постам в администрации Царства Польского был разработан проект привилегий для русских чиновников¹¹, который в 1867 г. был утвержден Александром II¹². Они получали безвозвратную финансовую помощь от 300 до 1000 рублей (в зависимости от должности), с условием, что чиновники останутся на службе в Царстве как минимум на два года. Каждые пять лет русским чиновникам на 15 % повышалась заплата (для служащих образовательных учреждений — на 25 %). Надбавка не могла, однако, в конечном итоге вдвое превышать начальный оклад, и привилегия распространялась только на 30 % общего числа чиновников, служащих в данном ведомстве. Три года, проработанные в Царстве, засчитывались русским как 4 года службы в России, а 25 лет работы давали право к получению пенсии. Важным поощрением также была возможность обучения детей русских чиновников за казенный счет или получение на их воспитание пособия в размере от 100 до 150 рублей в год.

⁶ Исключением можно считать только заместителя сувальского, а потом радомского губернатора, Александра Фрибеса, который был католического вероисповедания, и в среде русских оценивался как чиновник польского происхождения (*Смородинов В. Г.* Годы службы моей в Варшавском Учебном Округе. Эпизоды учебного быта. Петроград, 1914. С. 68).

⁷ *Kozłowski J.* Wyżsi urzędnicy gubernialni i powiatowi w Królestwie Polskim w latach 1867–1875 // *Przegląd Historyczny*. 1996. Z. 4. S. 820–824.

⁸ *Wiech S.* Rosyjski korpus administracyjny w dziele likwidacji odrębności Królestwa Polskiego (1866–1896). Ogląd w świetle materiałów żandarmerii // *Między Odrą i Dnieprem. Wyznania i narody*. Ч. II. Zbiór studiów / Op. T. Stegner. Gdańsk, 2000. S. 40.

⁹ *Borejsza J.* Noc postyczniowa // *Borejsza J.* Piękny wiek XIX. Warszawa, 1984. S. 325.

¹⁰ Наставление русского своему сыну перед отправлением его на службу в юго-западные русские области // *Вестник Западной России*. Вильнюс, 1865. Т. 1. Кн. 3. Ч. IV. С. 241–250; *Горизонтов Л.* Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше. М., 1999. С. 255–260.

¹¹ AGAD. SSKP. Sygn. 678/1865. L. 10–11, 15–18; Sygn. 909/1867. L. 56–58, 125–127.

¹² *Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 67. Warszawa, 1867. S. 291–299; *Сборник правительственных распоряжений по Учредительному Комитету*. Т. 4. Варшава, 1868. С. 105.

Указ о привилегиях для русских чиновников вызвал живой отклик. Вскоре из разных частей империи поступило более двух тысяч заявлений о желании устроиться на работу в Царстве Польском. Наместник Ф. Берг, желая остудить воодушевление чиновников, ослепленных перспективой легкого приобретения выгодной должности, а также желая затормозить неконтролируемый приток ненужных ему людей, проинформировал начальство в Петербурге, что он не в состоянии положительно рассмотреть внесенные предложения, так как большинство постов в Царстве Польском уже заняты, а на каждое вакантное место есть два или три кандидата¹³.

Обманчивым оказался, прежде всего, сам механизм набора россиян. Распределение постов было поручено губернаторам¹⁴, которые в большинстве случаев из-за долголетнего проживания в Царстве Польском потеряли контакты с чиновничьей средой в центральных губерниях России. В этой ситуации при выборе на место преимущество получали местные кандидаты. Один из русских служащих в 1867 г. жаловался властям на помехи, какие в Ломжинской губернии встречали приехавшие из империи чиновники:

Бедственное положение русских чиновников, вызванных и добровольных, приехавших с целью получить службу в губерниях Царства Польского, превосходит всякие ожидания... Губернатор (ломжинский, Василий Менкин. — С. В.) окружен, прежде всего, поляками, которые в такой степени сумели им овладеть, что всякий доступ русского невозможен, в результате чего созданные посты тайно заняты другими поляками... Многие русские, в надежде иметь в будущем милость, после нескольких месяцев занимают в губернском учреждении наихудшие посты, так как назначение на штатные должности зависит от рекомендации советника отдела, также старшего руководителя отдела, которыми поголовно поляки... Безрезультатными остаются просьбы каждого бедного россиянина, которому без зарплаты, в конце концов, приходит учение поляков говорения и писания по-русски. Все русские убираются понемногу восвоаяси, некоторые из них, не имеющие средств, обязаны возвращаться пешком, проклиная день прибытия своего в Польшу¹⁵.

Вопреки существующим трудностям, постепенно набор служащих из центральных губерний все же увеличивался. Подтверждают это примеры Петроковской и Плоцкой губернии. В 1871 г. местная жандармерия доносила:

Первый состав почтовых чиновников в Петркове состоял исключительно из поляков, бывших участников восстания... но все изменилось когда в 1871 г. управляющим почтовым отделом стал прибывший из Уфы Якоби. Благодаря его стараниям за короткое время призвано 23 русских... которые заняли выставленные учреждения почтмейстеров и другие самостоятельные посты¹⁶.

Еще большую инициативу в этом смысле показал Плоцкий губернатор Л. И. Черкасов. По донесению жандармерии, в 1885 г. он пригласил из России целый отряд чиновников и удалил из уездных и губернских учреждений всех поляков¹⁷.

¹³ *Kozłowski J.* Wyżsi urzędniczy gubernialni i powiatowi... S. 831.

¹⁴ *Dziennik Praw Królestwa Polskiego.* T. 68. S. 27.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 318. Л. 254.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 479. Л. 59.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 1878. Л. 8; *Wiech S.* Rosyjski korpus administracyjny... S. 59.

Уже во второй половине 1866 г. жандармерия требовала увольнения более 800 «неблагонадежных» чиновников польского происхождения, на которых лежала вина политической компрометации или плохого исполнения служебных обязанностей¹⁸. В следующем году отрицательные оценки получили 684 польских служащих. Появление в списке «неблагонадежных» не всегда было равнозначно отставке, хотя могло инициировать процесс изгнания из учреждения.

Положенные чиновникам привилегии не всегда компенсировали тяжелые условия работы. Некоторые решали возвратиться в империю. Так было в Плоцке, где местный губернатор, барон Константин Врангель, после 1867 г. уволил 28 «неблагонадежных» поляков и вызвал из России 47 русских¹⁹. Четыре года спустя многие из прибывших вернулись обратно²⁰.

Еще большая волна возврата русских была в Петроковской губернии, в которую в 1867–1871 гг. (по донесениям жандармерии):

...прибыло из России 62 чиновника... но на постах осталось меньше чем треть, а и эти находятся в таком положении, что не видят здесь для себя будущего... и готовы хоть бы завтра уехать обратно в Россию, но не в состоянии вернуть денег, какие получили на приезд и освоение, и поэтому вынуждены здесь остаться²¹.

В 1870-е гг. начались новые акции «очищения учреждений от польского элемента». Они были предприняты во время проведенной в 1876 г. в Царстве Польском судебной реформы, русификации начальных школ (1885 г.), и акции по устранению поляков с железных дорог (1880-е–1890-е гг.). В результате русский корпус чиновников увеличился. Если в 1862 г. в Царстве Польском на примерно 11 тысяч служащих было около 5–7 % россиян, то в 1878 г., по оценкам жандармерии, в аппарате государственной администрации русские составляли около 20 %²². По всеобщей переписи населения, в 1897 г. на 21 589 чиновников, служащих в администрации Царства Польского, уже только 10 084 были поляками, что означало: уже более половины чиновничьего персонала состояла из русских. По оценке варшавского генерал-губернатора, кн. Александра Имеретинского, в 1897 г. в учреждениях МВД русские составляли 36 %²³, в юстиции Царства Польского работало около 50 % чиновников русского происхождения²⁴, а в школах, на общее число 17 258 учителей и учительниц, россиян было 6088, то есть 35,3 %²⁵. В 1862–1897 гг. число русских чиновников выросло, следовательно, с нескольких сотен до примерно 11,5 тысяч.

¹⁸ *Wiech S.* Lustracje urzędników administracji państwowej Królestwa Polskiego w latach 1866–1873 // *Między irredentą a kolaboracją. Polacy w czasie zaborów wobec obcych władz i systemów politycznych* / Op. S. Kalemka i N. Kasparek. Olsztyn, 2001. S. 80–81.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 338. Л. 17–19.

²⁰ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 479. Л. 104, 110.

²¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 479. Л. 71.

²² *Czepulis-Rastenis R.* «Klasa umysłowa» Inteligencja Królestwa Polskiego 1832–1862. Warszawa, 1973. S. 71; *Wiech S.* Rosyjski korpus administracyjny... S. 49.

²³ *Tajne dokumenty rządu rosyjskiego w sprawach polskich. Memoriał ks. Imeretyńskiego. Protokoły Komitetu Ministrów. Nota Kancelarii Komitetu Ministrów.* Londyn, 1898. S. 37.

²⁴ *Korobowicz A.* Sądownictwo Królestwa Polskiego 1876–1915. Lublin, 1995. S. 89.

²⁵ [*Wasilewski L.*] *Administracja rosyjska w Królestwie Polskiem.* Wiedeń, 1915. S. 7.

II. Присутствие

Жизнь на западных рубежах Империи обычно разочаровывала русских чиновников, особенно тех, которые не могли рассчитывать на быстрое повышение по службе или улучшение материальной ситуации. Начальник калишской жандармерии в 1871 г. писал:

Русские служащие, находящиеся во враждебно поставленной к ним среде чиновников поляков, вынуждены к тому, чтобы оставаться в своем кругу. Они очень жалуются на ограниченные возможности и тяжелую обстановку, которая существует в этой стране²⁶.

Похожее мнение отражено на страницах краковского дневника «Время» («Czas»), в котором в 1871 г. написано: «Москали, прибывшие в Царство постоянно, жалуются на общественные отношения, которые, несмотря на добрую плату и привилегированный пост, портят им жизнь». В подтверждение этих слов приведено донесение чиновника, так описывающего ситуацию русских в Царстве Польском:

Если ты человек приезжий, новый, если не умеешь по-польски, совсем не имеешь, где быть. Русский элемент в уездах весьма слаб, а в польских домах, даже чиновников, ты не справишься с русским языком... Ты пойдешь в магазин покупать, спросишь по-русски, если тебя поймут... то с тебя сдерут как минимум в два раза больше, наверное, из патриотизма. Что поляк сделает за рубль, русскому едва удастся за полтора... Польша для служащих русских по закону страна привилегированная, и так же говорят местные жители, но поверьте, нет здесь для нас ни молочных рек, ни кисельных берегов... Человеческой натуре свойственна жажда общения, и оттого тяжело придется среди враждебно настроенного населения. Нет общих интересов, нет солидарности, сочувствия, живется плохо, и русские, которых сюда загнала судьба, особенно в уездах, живут изо дня в день совсем изолированные²⁷.

Место, время и обстановка, в которых приходилось работать русским чиновникам, современники однозначно интерпретировали как обстоятельства сугубо обременительные, нервные, тяжелые и почти вредные для психического и физического здоровья. Начальник жандармерии Гурецкого уезда Николай де Лазари писал:

Жизнь в этой стране для русских, помимо разлада с поляками, представляла еще то неудобство, что, кроме города Варшавы, почти нигде не было русских церквей, и дети наши воспитывались в религиозном отношении, не зная, что такое православный храм, не слыша слов и поучений наших священников. Если же в великий пост и заезжал в город направленный из Варшавы либо Радома священник, для исповеди и св. причастия важных гостей, к которым присоединялись все русские чиновники, жандармы и земские стражники, то делалось это второпях, в течение 2–3 дней, и этот короткий срок, при небрежном отношении самих священников к настоящему вопросу, не удовлетворял потребностям к религиозному настроению православных людей вообще и детей в особенности, которые до 10–15 лет не имели никакого представления о богослужении нашем... существование православных храмов представляется насущной потребностью, как в религиозной, нравственной,

²⁶ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 479. Л. 44.

²⁷ Królestwo Polskie // Czas. 1871. № 121. S. 2.

так и политической жизни русских в этой стране. Тогда бы не было такого влияния Костела и богослужения в нем на русских, с которыми мне приходилось встречаться. Не меньшее значение для русских жителей Царства Польского имеет и различие во времени по двум календарям, и опять-таки русские терпят больше неудобств в жизни, чем поляки, так как всему есть свой сезон, свое время, и эти сезоны редко когда представляются общими, народными, для поляков и русских. В то время, когда польский народ празднует свой карнавал, свои ежегодные праздники, русские только начинают готовиться к ним, в особенности это ощутимо в праздник св. Пасхи. Когда поляки уже разговелись, в костелах идет торжественная служба, у русских пост, и при наступлении нашего праздника он становится совершенно незаметным, и в городах и деревнях никакого оживления. Такое же неудобство представляется и в провизии, и во всех жизненных продуктах, так как поляки имеют все свежее и все лучшее, нам же, русским, приходится довольствоваться остатком как на рождественские, так и на праздник св. Пасхи²⁸.

На плохое самочувствие россиян в провинции влияние имело, прежде всего, скромное число соотечественников. Один из русских учителей вспоминал:

Положение мое как человека, отвлеченного от семьи и брошенного из родного города [Киева] на край империи, к среде относящейся в ту пору ко всему что русское с неукрыванной ненавистью... не принадлежало приятным. Тягость положения росла и вследствие того, что во всем городе всех русских чиновников было только двух: уездный военный начальник Крижницкий и я, не считая солдат с Каргопольского Полка Драгунов, стоящих в ту пору в Конине²⁹.

Социальная дифференциация и профессиональная конкуренция, при ограниченном числе россиян, отрицательно влияла на процессы адаптации и интеграции внутри русской среды. В 1880 г. начальник жандармерии в городе Кельцы докладывал: «Русские чиновники характеризуются полной полемкой собственной среды. Высшие с презрением смотрят на низших, что разрушает солидарность этой группы». В следующем году он же добавлял, что:

...в положениях русских чиновников заметить можно два поста. Один занимают те, которые вынашивают высокие посты и, обеспеченные высоким вознаграждением, ставят себе целью гордиться своей позицией и презирать нижних чиновников. Остальные... занятые исключительно работой, стараются, не всегда по закону, увеличить свои доходы... В частной жизни русские чиновники выделяются значительно большей, чем [чиновники] поляки, полемкой среды и внутренними конфликтами³⁰.

Так же было и в городе Радоме (воспоминания В. Г. Смородинова):

Где бы ни собралось русское общество, происходящее из рабочего сословия, в Польше, было оно очень дифферентным. Чиновников, кроме местных служебных

²⁸ Воспоминания Николая Николаевича де Лазари (рукопись из частного собрания Андрея Лазари, Лодзь, Польша).

²⁹ Смородинов В. Г. Годы службы моей... С. 8.

³⁰ Archiwum Państwowe w Kielcach (AP Kielce), Kielecki Gubernialny Zarząd Żandarmerii (KGZZ — Келецкое Губернское Жандармское Управление). Sygn. 3. L. 31; Sygn. 4. L. 33–34.

дел, не объединяли никакие общие интересы, ни какие-то другие обстоятельства, вынуждающие обмениваться мыслями или вести публичную жизнь. Изоляция местного русского общества была огромна. В городах Царства Польского не было ни магазинов с русскими книгами, ни библиотек... В результате во время общественных встреч большинство [россиян] развлекалось карточной игрой³¹.

До расколов дошло даже в среде священников, о чем свидетельствовал пример нашумевшего столкновения между Петром Орловским, настоятелем келецкой церкви, и священником местной церкви, существующей при гарнизоне русских войск³².

Если жизнь в провинции действительно разочаровывала и иногда принуждала к возвращению в Россию, то совсем иначе было в столице Царства. Обаяние жизни столичного города соблазняло русских. Варшава, как признался один из российских юристов, была «чудесным городом, урожайным во все средства»³³. Похожее мнение выразил французский консул, по мнению которого высшие русские чиновники особенно ценили Варшаву как место работы и жительства³⁴. Привлекательность Варшавы происходила, прежде всего, из величины русской колонии, наличия многочисленных церквей, ресторанов, клубов, школ, библиотек, приютов, фирм. Их существование обогащало и разнообразило жизнь. В Варшаве, третьей столице империи, по инициативе русских властей были предприняты многочисленные акции, имевшие целью удовлетворение не только материальных, но также духовных и культурных нужд россиян. Особенности заслуги здесь были у генерал-губернатора Иосифа Гурко, который содействовал организации в Варшаве выставок русских живописцев (передвижников), приглашал русские театральные труппы, известных русских художников, выдающихся ученых. Варшава привлекала, наконец, своим географическим положением. Отсюда было ближе к западу, к европейским столицам и иностранным курортам.

Отсюда и высокие темпы роста доли русского населения среди жителей Варшавы. В 1864 г., кроме военных, в столице Царства Польского проживало 3026 лиц православного вероисповедания, что составляло 1,36 % всех жителей. Пять лет спустя это число увеличилось до 5274, а в 1876 г. превысило 10 тысяч. В 1882 г. Варшава насчитывала уже 11 179 русских, в 1896 г. — 23 000, в 1909 г. — 31 387 (4,1 % от общего числа жителей). Накануне Первой мировой войны в Варшаве проживало около 35 000 лиц православного вероисповедания³⁵. Еще больше обитало в местных казармах и гарнизоне³⁶.

³¹ Смородинов В. Г. Годы службы моей... С. 110.

³² AP Kielce. KGZZ. Sygn. 5. L. 37.

³³ *Bochwic L.* Wspomnienia uniwersyteckie Warszawa 1882–1885 i Petersburg 1885–1887. Z dawnych wspomnień sądowych. Wilno, 1938. S. 27.

³⁴ *Borejsza J.* Piękny wiek XIX. Warszawa, 1984. S. 369.

³⁵ *Nietysza M.* Rozwój miast i aglomeracji miejsko-przemysłowych w Królestwie Polskim 1865–1914. Warszawa, 1986. S. 236; *Tuszyńska A.* Rosjanie w Warszawie. Warszawa, 1992. S. 13; *Wisniewska J.* Społeczności narodowe i społeczne wyznaniowe Warszawy XIX i początku XX w. // Warszawa – Bratysława. Etniczne i społeczne zróżnicowanie miasta (do 1939 r.) / Op. P. Salner i A. Stawarz. Warszawa, 1997. S. 12, 16.

³⁶ По всеобщей переписи 1897 г., в Варшаве вместе с семьями жило 40 301 русских солдат, в т. ч. 2091 женщин (*Szulc S.* Wartość materiałów... S. 95).

По всеобщей переписи 1897 г., в городах Царства Польского проживало 60 200 православных, которые составляли около 3 % всех жителей городов. Это означает, что 23-тысячное общество русских в Варшаве составляло 38 % всех православных, живущих в городах Царства Польского³⁷.

Большое скопление русских в столице облегчало их положение. В Варшаве русские чиновники чувствовали себя как дома, а существующие здесь имперские учреждения, организованные для русских спектакли, лекции и встречи помогали усилить национальные узы и изолировать русских от чужого окружения. Поэтому контакты с польской средой были ничтожно малы и, по правде говоря, не были вовсе необходимы. Николай Кареев, профессор истории в Варшавском Университете, писал: «Польское общество для нас, россиян, [в Варшаве] почти не существовало, даже если дело идет о тех немногих русских, которые были в каких-нибудь контактах с поляками»³⁸. Совсем иначе дело обстояло в провинции Царства Польского. Здесь удовлетворение внутренних нужд требовало поисков отношений вне родной национальной среды, что имперские власти квалифицировали как «ополячивание»³⁹.

По мнению жандармерии, потеря собственной самоидентификации совершалась через вторжение в домашнюю жизнь русских польского языка, польских обычаев, браков с поляками и т. д. Начальник калишской жандармерии в 1893 г. писал:

...русские — комиссар по крестьянским делам Сакс, ревизор Шелух и его помощник Карпов, живущие в городе Ленчыце, — можно сказать, окончательно ополячились, до такой степени, что даже в семейной жизни употребляют польский язык и пользуются им лучше, чем русским. Дети Карпова по-русски двух слов связать не могут... а в последнее время земский стражник Андрей Пишошук, женатый на польке, обратился ко мне с просьбой, чтобы я позволил ему крестить сына в католическом обряде⁴⁰.

Похожий донос сделали на начальника новоалександровского уезда Кришловича, у которого в доме говорили только по-польски⁴¹.

К победе влияния польского окружения относились как к гибели национального чувства. В 1871 г. начальник плоцкой жандармерии писал:

Русским чиновникам, женатым на католичках, и полякам православного вероисповедания нельзя полностью доверять, так как преданы они уже не России, но польскому делу и полякам, среди которых живут и воспитывают своих детей, под контролем матерей-полек, словно православных, но на самом деле — не знающих русского языка⁴².

³⁷ *Nietyksza M.* Rozwój miast... S. 225.

³⁸ *Kareev N.* Первое марта 1881 г. и варшавские россияне // *Былое*. 1907. Т. 2. № 3/15. С. 279.

³⁹ *Wiech S.* Społeczeństwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866–1896). Kielce, 2010. S. 325–362.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 3076. Л. 8.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 3078. Л. 15.

⁴² ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 479. Л. 112–113. — В Плоцкой губернии в начале 1870-х гг. из восьми уездных начальников семеро были русскими, один — поляком. Как показало расследование жандармерии, из семи русских двое на самом деле оказались поляками, которые приняли православие, один был татарин, а трое были женаты на польках.

Тут стоит сказать, что в Плоцкой губернии в 70-х гг. XIX в. из восьми начальников уездов были женаты на польках трое, из восьми начальников земской стражи — двое. В 1887 г. в одном из отчетов чиновников Радомской губернии было написано:

Наблюдая за населением уездов, убеждаюсь, что... русские чиновники, женатые на польках, и поляки, женатые на русских, которые прибыли сюда из центральных губерний России, оказывают крайне вредное влияние... юрист Антони Климович, служивший ранее в России, выпускник московского университета, который женился на жительнице Москвы православного вероисповедания, по приезде в Царство, детей своих, 8-летнего сына и 7-летнюю дочь, ополячил... и даже жену вынудил говорить дома по-польски... а комендант бригады земской стражи в Завихосте, штабс-капитан барон Остен-Сакен из Курляндии, протестант, женатый на польке, воспитывает свою дочь в польском духе... так что та еще никакого слова по-русски не сказала⁴³.

Освоение русскими польского языка и польских традиций происходило постепенно, но не всегда заканчивалось успехом. С победой из такой борьбы вышел начальник земской стражи Сандомирского уезда Федор Новицкий, который во время Январского восстания, не желая ранить национальных чувств жены-польки, бросил военную службу. После подавления восстания он вернулся на гражданский пост в Опатове, где «еще более приблизился к полякам и сохранялся под их влиянием. Сторонясь соотечественников, Новицкий воспитывал в польском духе также своих детей». Избавлением для него стала, по оценке жандармерии, семейная трагедия. «После смерти жены в 1872 г., — написано в рапорте, — проснулся в нем дух русского, он стал посылать своих детей в церковь, говорил с ними по-русски и дружил с русскими»⁴⁴.

Компрометирующие россиян браки с польками встречались даже в среде самой жандармерии, что было строго запрещено законом. Такое преступление совершил уроженец Харьковской губернии, начальник Влоцлавской жандармерии полковник Александр Капустянский. Он несколько десятков лет скрывал от всех польское происхождение и католическое вероисповедание своей жены Эльжбеты Лукович. В апреле 1893 г. Капустянский предупредил ксендзов из духовной семинарии о планируемом жандармерией обыске. Ксендз М. Нассальский вспоминал:

Когда через десять лет после этого жена полковника тяжело заболела, муж ее лично отправился с просьбой к католическому священнику ордена реформатов во Влоцлавке Францишеку Пониковскому, чтобы, сохраняя тайну, тот пришел с религиозным утешением. Жена Капустянского подготовлена была к смерти по католическому обряду, но похоронена православными священниками на православном кладбище⁴⁵.

Если степень восприимчивости русским обществом польского влияния измерять количеством смешанных браков, то окажется, что русские в Царстве Польском были

⁴³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 2189. Л. 3.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 527. Л. 68–69.

⁴⁵ *Nassalski M. Wspomnienia, rewizje, więzienie, zesłanie, stosunek władz moskiewskich do duchowieństwa katolickiego 1893–1914. Częstochowa, 1935. S. 7, 11; ГАРФ. Ф. 110. Оп. 17. Д. 13. Л. 253–261; Д. 116. Л. 121–126.*

весьма податливыми. Например, в келецкой кафедральной церкви в 1872–1894 гг. было заключено 387 браков, из которых только в 158 случаях оба супруга были православными. Почти 60 % браков, которые заключали русские во всей Польше, оказывались смешанными⁴⁶. В столице Царства Польского в 1902–1911 гг. из 3291 православного мужчины, которые вступили здесь в брак, 1184 мужчин (или 36 %) женились на католичках⁴⁷.

Польское влияние проникало и в армию. Начальник калишской жандармерии в 1871 г. писал:

Говоря об армии, нужно упомянуть, что в 4-ю Дивизию Пехоты прокрадывается польский элемент... и медленно начинаются там распространяться польские обычаи... В разговорах солдат с офицерами начинают появляться польские слова... а женщины-польки, которые вступают в браки с офицерами, хотя принимают православие, однако по-прежнему остаются под воздействием католических ксендзов, перенося на мужей польские обычаи и язык⁴⁸.

Жалобы на военных доносились также из Ломжинской губернии: «Недопустимо, чтобы лица, носящие русский военный мундир, пользовались польским языком. Офицеры, где только могут, говорят по-польски»⁴⁹. В Радомской губернии тоже обвиняли русских военных. «Большинство офицеров 26 Могилевского Полка Пехоты, — писали в 1877 г., — это поляки или женатые на польках, а это — как выяснилось — эффект долгого проживания военных в одном месте»⁵⁰.

В сфере культурной жизни не только Варшава, но и провинция не были для русских совсем «глухими». Чиновники и военные в меру собственных возможностей старались с разным эффектом создавать родную культуру. Достаточно привести перечень знаменательных культурных достижений русских в Келецкой губернии. В 1860-е гг. здесь состоялись первые театральные постановки, которые прошли на русском языке для российских зрителей. Само возникновение в губернии театра было в большой степени заслугой русских, а именно — Ивана Измествнева, который основал в городе Любительское Театральное Общество, представляющее прежде всего пьесы Александра Островского. В развитии келецкого театра большую роль играли директор Келецкой Казначейской Палаты Якуб Жепишевский и начальник Андреевского уезда Авдий Супонев. Не менее активным был В. Пряшников — капитан местного гарнизона, который с солдатами келецкого батальона ставил комедии⁵¹.

Хотя репертуар русских любительских театров не был особенно амбициозным, для русских сцена становилась местом патриотических переживаний и приятного

⁴⁶ AP Kielce. Kielecka Katedralna Cerkiew Wniebowstąpienia (Келецкая Кафедральная Церковь Вознесения). Sygn. 15, 16; *Drozdowska B.* Życie rodzinne i towarzyskie Rosjan w Królestwie Polskim w latach 1864–1894 // Unifikacja za wszelką cenę. Sprawy polskie w polityce rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku. Studia i materiały / Op. A. Szwarc i P. Wiczorkiewicz. Warszawa, 2002. S. 119–120.

⁴⁷ *Konczyński J.* Ludność Warszawy. Studium statystyczne 1877–1911. Warszawa, 1913. S. 14.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 479. Л. 51–52.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 3288. Л. 9.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 1239. Л. 4.

⁵¹ *Gazeta Kielecka.* 1871. № 19, 32; 1872. № 28, 101; 1873. № 4; 1876. № 16.

развлечения. «Келецка Газета» так писала о театральных зрелищах: «Для русских, нечасто слышащих со сцены родную речь и не видящих русских народных образов, любительский русский театр является весьма приятным сюрпризом; поэтому все здесь собираются для семейных обновлений и милых каждому воспоминаний. Чувство это нормальное — так как вытекает из любви к родной речи»⁵².

Русские любительские театры были также и в мелких городках — там, где театральная жизнь расцвела главным образом благодаря русским военным. Так происходило в г. Пинчов, где театральные постановки были заслугой военных 14-го Ямбургского уланского полка. В г. Пилица любительские представления организовывали офицеры Витебского пехотного полка⁵³. Русским театром в Польше занимались также разнообразные общества, такие как Общество Русских Любителей, Общество Друзей Русской Сцены, Келецкое Музыкальное Общество, Губернский Комитет Помощи для пострадавших от наводнения жителей Келецкой губернии.

Нужно подчеркнуть и то, что в провинции зрителями русских спектаклей часто была польская публика. Например, в Андрееве по инициативе русских и поляков поставлено в 1902 г. две комедии Ивана Щеглова и Петра Гнедича, режиссером был директор Малого лесничества. Доход от зрелищ был предназначен на нужды местной пожарной команды⁵⁴.

Россияне Келецкой губернии изъявляли также необходимость приобщения к культуре и художественным произведениям высочайшего класса. Сюда приезжали актеры и музыканты из передвижных и профессиональных трупп. В 90-х гг. XIX в. в г. Кельце русские имели возможность познакомиться с театральным репертуаром Русского Общества Драматических Художников под руководством Александра Яковлева, посмотреть «Марию Стюарт» Ф. Шиллера, поставленную петербургскими и московскими драматическими художниками под руководством Елизаветы Горевой. В Кельцы приезжали представители Петербургского Общества Русских Оперных Художников. Они предлагали оперы композиторов мирового класса, таких как Петр Чайковский, Шарль Гуно, Джузеппе Верди. Петербургское Драматическое Общество ставило для келецких россиян пьесы Александра Островского.

Благодаря русским в Кельцах организовывались разного типа игры, концерты, представления, маскарады и танцевальные вечеринки. Их музыкальное оформление обеспечивал военный оркестр Смоленского пехотного полка, с которым репетировал капельмейстер Чиани, называемый «Римлянином»⁵⁵. С 1871 г. в музыкальной жизни Кельце первое место занял военный оркестр Полоцкого пехотного полка (дирижер Локческий; пять лет спустя его заменил новый дирижер, прежний гобоист Королевского Театра во Флоренции, а также солист — Яков Гоччи⁵⁶). В 1880-е гг. в оркестре работал

⁵² Gazeta Kielecka. 1882. № 12.

⁵³ Gazeta Kielecka. 1873. № 53; 1875. № 3.

⁵⁴ AP Kielce. Kancelaria Gubernatora Kieleckiego (Канцелярия Келецкого Губернатора). Sygn. 1622. L. 44.

⁵⁵ Dziennik Warszawski. 1866. № 2.

⁵⁶ Gazeta Kielecka. 1872. № 28; 1876. № 35, 39.

скрипач Иоахим Рыш, чей коллектив, как писала местная пресса, пользовался в городе огромной популярностью⁵⁷.

Когда в 1892 г. Полоцкий полк покинул Кельце, то И. Рыш остался в городе и принял руководство над оркестром 6-го стрелкового полка. Пользуясь авторитетом и уважением, при содействии городских властей он внес инициативу учреждения постоянного любительского оркестра⁵⁸. Образованный Рышем оркестр насчитывал 24 музыканта и смешанный хор (более 30 певцов), а в свои ряды собрал, кроме россиян, местную элиту: адвокатов, врачей, служащих и промышленников. Оркестр Рыша дал толчок к созданию в 1894 г. Келецкого музыкального общества, названного Обществом Любителей Искусства. Его председателем стал сын келецкого дьякона собора и учителя церковного пения, а некогда школьный товарищ Стефана Жеромского, превосходный скрипач — Василий Михайлов⁵⁹. В репертуаре оркестра значились, прежде всего, произведения Петра Чайковского, Михаила Глинки, Антона Рубинштейна, Франца Шуберта, Карла Марии фон Вебера.

Представленные примеры активности и вовлечения русских в культурную жизнь Келецкой губернии были типичными и для остальных областей Царства Польского. Это значит, что в провинции даже такие скромные колонии русских имели возможность организовать настолько богатую и разнообразную культурную жизнь, что такие проявления являлись интересными не только для самих русских, но и для польского общества. Таким образом русские защищали себя от воздействия альтернативной польской культуры.

III. ЗНАЧЕНИЕ

Государственная поддержка присутствия русских в Царстве Польском путем издания законодательных норм и специальных привилегий давала россиянам основание особым образом понимать свою роль и значение в общественно-политической жизни польских земель. Сознательные или же вынужденные переселения в Царство Польское понимались не только как переезд в имперскую провинцию, но также как необходимое самопожертвование во имя государственных и национальных идей. Этими идеями были русификация, унификация, сглаживание органических, культурных и религиозных особенностей польских земель, защита и распространение русских идей, народности, языка, религии и культуры.

Поэтому в польском обществе русские чиновники идентифицировались как «деятели русификации», были синонимом «чужих», «врагов», «притеснителей» польского языка, религии, культуры и народной традиции. Этот тип русского чиновника, символизирующего имперские цели царской России, остался в памяти, литературе и польской традиции. Складывающийся целые десятилетия стереотип «злого русского», «жестокоего захватчика» и «грубого чиновника» не был исключительно продуктом фантазии, а имел совершенно реальные аналогии и прототипы, это осознавали и сами русские.

⁵⁷ *Gazeta Kielecka*. 1883. № 59; 1891. № 42.

⁵⁸ *Gazeta Kielecka*. 1892. № 86; 1893. № 30, 95.

⁵⁹ *Gazeta Kielecka*. 1890. № 24, 25; 1894. № 17, 19, 21.

Начальник Варшавского Округа Жандармерии генерал Платон Фредерикс в политическом рапорте за 1868 г., характеризуя русских чиновников в Царстве Польском, писал:

Большая часть их отнеслась и относится до сего времени к польской территории как к военной добыче, а к полякам — как к своим военнопленным, и не заботясь о последствиях, переносят требовательность свою из официальной сферы в частную⁶⁰.

Жандармский полковник де Лазари писал:

Многие из служащих на разных участках в стране, пользуясь служебным положением своим, составили как бы оплот правительственным начертаниям, показывая, внешне, готовность неотступно следовать программе, для умиротворения и спокойствия жителей, безнаказанно ловили рыбу в мутной воде и, обогащая себя материально, обеспечивая себя и семью свою, ставя вопрос на политическую почву, доводили помещиков до нищенского положения в буквальном смысле этого слова. Главную роль в этом отношении играли начальники уездов, и комиссары по крестьянским делам в особенности⁶¹.

Варшавский генерал-губернатор А. Имеретинский приводил похожие упреки, утверждая, что русский чиновник,

...занимая должность в Царстве Польском [...] появляется со всем арсеналом предвзятых идей, которыми думает руководствоваться в ожидающей его деятельности. Привислянский край кажется ему горящим костром революции. В каждом поляке видит прежде всего побежденного. На себя смотрит как на победителя, считает себя освобожденным от контроля не только общественного мнения, но и собственной совести⁶².

Политика России в Польше приносила свои плоды: польская территория становилась все более похожей на другие земли Империи. Начальник ломжинской жандармерии писал: «Двадцатипятилетняя деятельность правительственных школ принесла уже видимые успехи в реализации правительственных планов... Почти во всей губернии можно уже говорить с населением по-русски, который понятен для молодого поколения»⁶³. Приток россиян вызвал изменения в структуре богатых землевладельцев, так как военные и чиновники, наделенные государством майоратами и именьями, после окончания службы занимались своими именьями. Без сомнения, возникающие в городах Царства Польского византийские образцы архитектуры, православные церкви, «русские» клубы, на улицах «русские формы» мундиров гимназистов, студентов, чиновников, военных, русские надписи и язык, а вслед за ними — распространяющийся в публичной жизни русский обиход были главными проявлениями изменений⁶⁴. Царская политическая полиция, оценивая влияние русских на положение Царства

⁶⁰ Sytuacja polityczna Królestwa Polskiego w świetle tajnych raportów naczelników Warszawskiego Okręgu Żandarmerii z lat 1867–1872 i 1878 / Op. S. Wiech, W. Caban. Kielce, 1999. S. 107.

⁶¹ Воспоминания Николая Николаевича де Лазари. С. 102.

⁶² Tajne dokumenty rządu rosyjskiego w sprawach polskich... S. 38.

⁶³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 24. Д. 2439. Л. 6.

⁶⁴ Подробнее см.: *Tuszyńska A.* Rosjanie w Warszawie. Warszawa, 1992.

Польского, констатировала, что присутствие и постоянное увеличение количества русских дает гарантию успеха русификации и ведет польское общество к отказу от борьбы за национальные и политические права и свободы.

Результаты русификации Царства Польского были неоднозначными. Владимир Михневич, прибывший в 1881 г. из Петербурга в Варшаву, признавался, что:

Только на первый взгляд Варшава создавала иллюзию губернского города, и хотя на каждом шагу встретить можно русские двуглавые орлы, русские мундиры и по-русски дисциплинированную жизнь, со всеми фикциями, но прибывающие сюда русские скоро улавливали чуждый им мир ценностей и враждебное отношение. Даже русские вывески и надписи были... карикатурой русского преобладания и свидетельством необыкновенной выносливости на влияние русской культуры⁶⁵.

Формирование прослойки россиян в социальной среде Польши привело к их устойчивому стремлению и далее проживать на польской земле. В 1915 г., после вступления немецких войск в Варшаву, более 3000 православных жителей столицы (или около 10 % русских жителей) все равно не видели для себя другого места жительства, кроме Варшавы, и, несмотря на реальную угрозу, решили остаться в столице Царства. Не меньше русских осталось в провинции. Доминирующее в годы Первой мировой войны восточное направление миграции россиян, ищущих для себя спасения на родине, изменилось на обратное, когда из-за Октябрьской революции значительная часть прежних чиновников решила покинуть Россию и вернуться в Царство Польское.

Данные о статье

Автор: Вех, Станислав — доктор исторических наук, профессор, Университет Яна Кохановского, Кельце, Польша, stanislaw.wiech@ujk.kielce.pl

Заголовок: Русские в Царстве Польском во второй половине XIX в. и начале XX в.

Резюме: В статье рассматриваются некоторые аспекты жизни чиновников и военных русского происхождения в Царстве Польском после подавления Январского восстания.

Систематический приток и рост участия россиян в общественной, экономической, культурной и политической жизни Царства Польского был вызван прежде всего политическими и военными соображениями имперских властей (угрозой военного конфликта, планами интеграции Западных окраин в Российскую империю). Русские выделялись в социальной среде польских земель не только благодаря своим особым правам и привилегиям, но также благодаря растущему демографическому потенциалу. В 1862–1897 гг. число русских чиновников выросло с нескольких сотен до 11,5 тысяч, а число солдат Варшавского Военного Округа выросло на 250 % (с 107 750 военнослужащих до 253 229), в то время как число жителей Царства Польского увеличилось едва ли на 50 % (с 6 млн до 9 млн).

Жизнь на западных рубежах Империи обычно разочаровывала русских. Место, время и обстановка, в которых им приходилось работать, современники однозначно интерпретировали как обстоятельства сугубо обременительные, нервные, тяжелые и почти вредные для психического и физического здоровья. Однако чиновники и военные в меру собственных возможностей старались с разным эффектом создавать родную культуру. Колонии русских

⁶⁵ Михневич В. Варшава и варшавяне. Наблюдения и заметки. СПб., 1881. С. 7–8.

имели возможность организовать настолько богатую и разнообразную культурную жизнь, что их формы являлись интересными не только для самих русских, но и для польского общества. В польском обществе русские чиновники идентифицировались как «деятели русификации». Царская политическая полиция, оценивая влияние русских на положение Царства Польского, констатировала, что постоянное присутствие и увеличение русского населения дает гарантию успеха русификации и ведет польское общество к отказу от борьбы за национальные и политические права и свободы.

Ключевые слова: Царство Польское, Русские, XIX век

Литература, использованная в статье

Borejsza, Jerzy. Noc postyczniowa // Borejsza, Jerzy. Piękny wiek XIX. Warszawa: Czytelnik, 1984. С. 303–338.

Borejsza, Jerzy. Piękny wiek XIX. Warszawa: Czytelnik, 1984. 536 с.

Czepulis-Rastenis, Ryszarda. «Klasa umysłowa» Inteligencja Królestwa Polskiego 1832–1862. Warszawa: Książka i Wiedza, 1973. 418 с.

Drozdowska, Beata. Życie rodzinne i towarzyskie Rosjan w Królestwie Polskim w latach 1864–1894 // Unifikacja za wszelką cenę. Sprawy polskie w polityce rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku. Studia i materiały / Op. Andrzej Szwarz i Paweł Wieczorkiewicz. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2002. С. 115–136.

Korobowicz, Antoni. Sądownictwo Królestwa Polskiego 1876–1915. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1995. 179 с.

Kozłowski, Jan. Wyzsi urzędnicy gubernialni i powiatowi w Królestwie Polskim w latach 1867–1875 // Przegląd Historyczny. 1996. Z. 4. С. 820–824.

Nietyksza, Maria. Rozwój miast i aglomeracji miejsko-przemysłowych w Królestwie Polskim 1865–1914. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986. 396 с.

Sytuacja polityczna Królestwa Polskiego w świetle tajnych raportów naczelników Warszawskiego Okręgu Żandarmerii z lat 1867–1872 i 1878 / Op. Stanisław Wiech, Wiesław Caban. Kielce: Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej, 1999. 310 с.

Tuszyńska, Agata. Rosjanie w Warszawie. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Interim, 1992. 128 [8] с.

Wiech, Stanisław. Lustracje urzędników administracji państwowej Królestwa Polskiego w latach 1866–1873 // Między irredentą a kolaboracją. Polacy w czasie zaborów wobec obcych władz i systemów politycznych / Op. Sławomir Kalemka i Norbert Kasperek. Olsztyn: Wyd. Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2001. С. 77–96.

Wiech, Stanisław. Rosyjski korpus administracyjny w dziele likwidacji odrębności Królestwa Polskiego (1866–1896). Ogląd w świetle materiałów żandarmerii // Między Odrą i Dnieprem. Wyznania i narody. Cz. II. Zbiór studiów / Op. Tadeusz Stegniera. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2000. С. 33–81.

Wiech, Stanisław. Społeczeństwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866–1896). Kielce: Wydawnictwo UJK, 2010. 439 с.

Wisniewska, Jolanta. Społeczności narodowe i wyznaniowe Warszawy XIX i początku XX w. // Warszawa – Bratysława. Etniczne i społeczne zróżnicowanie miasta (do 1939 r.) / Op. Peter Salner i Andrzej Stawarz. Warszawa, 1997. С. 7–24.

Горизонтов, Леонид Ефремович. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше. Москва: Индрик, 1999. 270 с.

Information about the article

Author: Wiech, Stanisław — Doctor in History, Professor, Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, stanislaw.wiech@ujk.kielce.pl

Title: Russians in the Polish Kingdom in the second half of the 19th century and the early 20th century

Summary: This article describes certain aspects of the lifetimes of Russian-origin officials and militaries in the Polish Kingdom after the suppression of the January Uprising.

Constant inflow of Russians and increase of their participation in social, economic, cultural and political life of the Polish Kingdom was an effect of the political aspirations and the fears of war of the imperial authorities (the threats of war, plans of the integration of the west borderland with the Russian Empire). Russians stood out in the society of the Polish lands not only because of their rights and privileges, but also due to their demographic potential. In the years 1862–1897 the number of the Russian officials has increased from few hundreds to 11,5 thousands, and the number of Russian soldiers of the District of Warsaw has increased by 250 % (from 107 750 soldiers to 253 229), when in the same time the number of the inhabitants of the Polish Kingdom has increased only by 50 % (from 6 million to 9 million).

Life in the western borderland was often disappointing to Russians. Place, time and conditions in which Russians official have been working, were classified by modern researchers as particularly burdensome, hard and almost harmful for physical and mental health. But Russian officials and militaries were trying to create their own culture, with different results. Russian colonies were able to create such rich and various cultural life, that its forms were attractive not only for Russians but also for Polish society. In the Polish society, Russian officials were identified as «russification activists». Russian political police, assessing the influence of Russians on the situation of the Polish Kingdom, was convinced that permanent inflow of Russians and increasing number of Russian-origin inhabitants of the Polish Kingdom will guarantee the success of the russification and will bring Poles to the end of their fight for national and political freedom.

Keywords: Polish Kingdom, Russians, 19th century

References

Borejsza, Jerzy. Noc postyczniowa, in Borejsza J. (ed.). *Piękny wiek XIX*. Warszawa: Czytelnik, 1984. C. 303–338.

Borejsza, Jerzy. *Piękny wiek XIX*. Warszawa: Czytelnik, 1984. 536 c.

Czepulis-Rastenis, Ryszarda. «Klasa umysłowa» *Inteligencja Królestwa Polskiego 1832–1862*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1973. 418 c.

Drozdowska, Beata. Życie rodzinne i towarzyskie Rosjan w Królestwie Polskim w latach 1864–1894, in Szwarz A., Wieczorkiewicz P. (eds). *Unifikacja za wszelką cenę. Sprawy polskie w polityce rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku. Studia i materiały*. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2002. C. 115–136.

Gorizontov, Leonid Yefremovich. *Paradoksy imperskoy politiki: Polyaki v Rossii i russkie v Pol'she* [*Paradoxes of the Imperial policy: Poles in Russia and Russians in Poland*]. Moscow: Indrik Publ., 1999. 270 p.

Korobowicz, Antoni. *Sądownictwo Królestwa Polskiego 1876–1915*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1995. 179 c.

Kozłowski, Jan. Wyżsi urzędnicy gubernialni i powiatowi w Królestwie Polskim w latach 1867–1875, in *Przegląd Historyczny*. 1996. Z. 4. C. 820–824.

- Nietyksza, Maria. *Rozwój miast i aglomeracji miejsko-przemysłowych w Królestwie Polskim 1865–1914*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986. 396 c.
- Tuszyńska, Agata. *Rosjanie w Warszawie*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Interim, 1992. 128 [8] c.
- Wakar, Włodzimierz. *Rozwój terytorialny narodowości polskiej. Cz. II. Statystyka narodowościowa Królestwa Polskiego*. Warszawa: St. Święcki, 1917. 288 [8] c.
- Wiech, Stanisław. Lustracje urzędników administracji państwowej Królestwa Polskiego w latach 1866–1873, in Kalemka, Sławomir; Kasperek, Norbert (eds). *Między irredentą a kolaboracją. Polacy w czasie zaborów wobec obcych władz i systemów politycznych*. Olsztyn: Wyd. Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2001. C. 77–96.
- Wiech, Stanisław. Rosyjski korpus administracyjny w dziele likwidacji odrębności Królestwa Polskiego (1866–1896). Ogląd w świetle materiałów żandarmerii, in Stegnera, Tadeusz (ed.). *Między Odrą i Dnieprem. Wyznania i narody. Cz. II. Zbiór studiów*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2000. C. 33–81.
- Wiech, Stanisław. *Spółczesność Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866–1896)*. Kielce: Wydawnictwo UJK, 2010. 439 c.
- Wiech, Stanisław; Caban, Wiesław (eds). *Sytuacja polityczna Królestwa Polskiego w świetle tajnych raportów naczelników Warszawskiego Okręgu Żandarmerii z lat 1867–1872 i 1878*. Kielce: Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej, 1999. 310 c.
- Wisniewska, Jolanta. Społeczności narodowe i wyznaniowe Warszawy XIX i początku XX w., in Salner, Peter; Stawarz, Andrzej (eds). *Warszawa – Bratysława. Etniczne i społeczne zróżnicowanie miasta (do 1939 r.)*. Warszawa, 1997. C. 7–24.